

Бремя доказывания отрицательных фактов по кондикционным искам конкурсных управляющих

Ибрагим Аллахвердиев,

юрист ООО «ЮБФ Консалтинг»

allahverdi.ib@gmail.com

Статья посвящена проблеме, связанной с отсутствием единообразной судебной практики при распределении бремени доказывания отрицательных фактов по искам конкурсных управляющих о возврате неосновательного обогащения. Раскрыв суть двух противоположных подходов, автор обосновывает правомерность одного из них. Цепочка аргументов, состоящая как из теории отрицательных фактов, так и из иных политико-правовых соображений, обладает универсальным характером и может быть применена и к другим категориям споров, где выбор стоит перед несколькими вариантами их разрешения.

«Право ничтожно вследствие его неопределённости»

1. Введение

Как известно, конечной целью института бремени доказывания является достижение справедливого и предсказуемого материально-правового результата при рассмотрении конкретных дел¹. Правильное распределение судом бремени доказывания оптимизирует весь ход судебного разбирательства, имеет дисциплинирующий эффект для сторон спора и в конечном счёте вносит определённость в судебный процесс².

От того, на кого суд возложит обязанность доказывать те или иные обстоятельства, при прочих равных фактически зависит и результат рассмотрения дела. Данный тезис можно продемонстрировать на проблеме, связанной с распределением бремени доказывания по кондикционным искам конкурсных управляющих, где при одних и тех же обстоятельствах суды принимают разные решения в зависимости от применяемого ими подхода при распределении бремени доказывания.

¹ Косцов В.Н. Правовая природа способов правовой защиты через призму международного гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 179–228.

² Чирнинов А.М. Бремя доказывания в конституционном судебном процессе России и США // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 102.

Перед тем как перейти к подробному разбору двух противоположных подходов, существующих в практике арбитражных судов более десяти лет, и обоснованию правомерности одного из них, следует кратко раскрыть историю возникновения описываемой проблемы.

Точкой отсчёта выступает прецедентное постановление Президиума ВАС РФ по делу № А51-15943/2011. Фабула данного дела незамысловата и встречается на практике достаточно часто. Конкурсный управляющий истца выявил платёжные поручения о перечислении истцом (до признания его банкротом) в адрес ответчика денежных средств, содержащие в графе об основаниях платежа ссылки на договоры. Но в распоряжении управляющего отсутствовали документы, свидетельствующие о заключении с ответчиком перечисленных в платёжных поручениях договоров, а также об их исполнении и оказании ответчиком услуг по ним. Не получив ответа на претензию, конкурсный управляющий обратился в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения. Позиция управляющего строилась на том, что между истцом и ответчиком отсутствовали какие-либо отношения, в связи с чем денежные средства, полученные ответчиком якобы по договорам, являются на деле безосновательными. Суды первых трёх инстанций отказали в иске, указывая на то, что истец не доказал отсутствия оснований перечисления денежных средств ответчику.

В определении ВАС РФ от 12.11.2012 № ВАС-11524/12 по делу № А51-15943/2011 коллегия судей под председательством Н.В. Павловой подчеркнула, что в практике арбитражных судов имеется два противоположных подхода при распределении бремени доказывания в спорах о возврате неосновательно полученного: при одном подходе на истца возлагается бремя доказывания отсутствия оснований для совершения платежей, а при другом – на ответчика возлагается бремя доказывания наличия основания для получения платежей. Дело было передано на рассмотрение в Президиум ВАС РФ для определения единообразного подхода по данному вопросу. Была ли достигнута поставленная цель? Ответ будет отрицательным.

В постановлении от 29.01.2013 по тому же делу Президиум ВАС РФ оставил обжалуемые судебные акты без изменений. С одной стороны, в постановление вошла важная правовая позиция, которая содержалась в определении о передаче дела на рассмотрение в Президиум ВАС РФ и, судя по всему, должна была стать основой для отмены судебных актов нижестоящих инстанций:

«Исходя из объективной невозможности доказывания факта отсутствия правоотношений между сторонами, суду на основании статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации необходимо делать вывод о возложении бремени доказывания обратного (наличие какого-либо правового основания) на ответчика»³

³ Стоит отметить, что предложенная Президиумом ВАС РФ формула, в которой отрицательный факт доказывается через обратный ему положительный, была известна еще дореволюционной отечественной доктрине. Например, у А.Х. Гольмстена, которого Е.В. Васьяковский называл корифеем русской процессуальной науки, мы находим: «<...> если это факт отрицательный, необходимо доказать положительный, из которого может быть сделано заключение о существовании этого отрицательного <...>». См.: *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1913. 5-е изд., испр. и доп. С. 207. То же можно найти и у современных исследователей: «Большинство отрицательных фактов материально-правового характера устанавливаются через выяснение связанных с ними положительных фактов». См.: *Зайцев И.М., Фокина М.А.* Отрицательные факты в гражданских делах // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 20.

Но в основу итогового постановления Президиума ВАС РФ был положен следующий вывод:

«Однако в данном случае из представленных истцом платежных поручений усматривалось, что основаниями платежа являлись конкретные правоотношения – проведение режимных испытаний и плата по договору. При этом доказательств того, что правоотношения, указанные в качестве оснований платежа, не являются такими основаниями, а денежные средства были перечислены ошибочно (например, акты выполненных работ с разногласиями, акты сдачи-приемки товара с возражениями, претензии и т.п.), истец не представил»

Выходит, что Президиум ВАС РФ сделал исключение из выведенной им ранее абстрактной правовой позиции, постановив, что при наличии в платёжных поручениях конкретных оснований для перечисления денежных средств бремя доказывания отсутствия неосновательного обогащения не может быть возложено на ответчика.

Не согласившись с таким решением, Н.В. Павлова (судья-докладчик по делу) подготовила особое мнение к постановлению. Позиция Н.В. Павловой убедительна⁴ и в кратком виде сводится к следующему. В предмет доказывания по кондикционным искам входят три обстоятельства: наличие обогащения на стороне ответчика, происхождение такого обогащения за счёт истца и отсутствие у ответчика оснований для обогащения. Если правильность возложения на истца бремени доказывания первых двух условий сомнений не вызывает, то о правильности возложения бремени доказывания последнего условия (отсутствия оснований для обогащения) нельзя говорить однозначно, ведь истец не всегда обладает соответствующими возможностями. Н.В. Павлова приходит к выводу, что когда истец утверждает об отсутствии отношений между сторонами (не имея возможности доказать это), а ответчик заинтересован в обратном, то именно последний должен доказывать факт, противоположный утверждению истца (то есть о наличии оснований). При этом для ответчика такое бремя не является чрезмерным. Помимо этого, судья напоминает, что баланс прав сторон уравнивается правом ответчика на компенсацию судебных расходов.

Поддерживая особое мнение Н.В. Павловой, следует привести дополнительные аргументы правомерности такой позиции. Но перед этим стоит подробнее остановиться на описании двух противоположных подходов и их развитии в современной судебной практике.

2. Описание двух противоположных подходов

1. Первый подход основывается на упомянутом выше постановлении Президиума ВАС РФ и сводится к тому, что доказывать отсутствие оснований для сбережения ответчиком спорных денежных средств должен истец. Единственным правовым обоснованием такого подхода выступает презумпция добросовестности участников гражданского оборота (а именно ответчиков по таким искам).

⁴ Некоторые суды даже принимали решения, не стесняясь прямо сослаться на особое мнение Н.В. Павловой. См., напр., постановления АС Северо-Западного округа от 06.02.2018 по делу № А21-2002/2017; Пятнадцатого ААС от 04.12.2015 по делу № А53-15316/2015, от 30.06.2015 по делу № А32-45047/2014.

Наиболее полно суть первого подхода раскрыл АС Северо-Западного округа в постановлении от 03.12.2020 по делу № А13-889/2020:

«Исходя из презумпции добросовестности участников хозяйственного оборота, ссылка в назначении платежа на конкретные хозяйственные операции, в ходе которых было совершено перечисление денежных средств, не позволяет сделать вывод об отсутствии правовых оснований для данных денежных операций, пока не доказано иное. В рассматриваемом случае доказательств иного в материалах дела не имеется.

<...> Отсутствие у конкурсного управляющего первичной документации, обосновывающей перечисление денег, не является бесспорным доказательством того, что встречное исполнение ответчиком не производилось. Это обстоятельство само по себе не свидетельствует о том, что соответствующие документы отсутствовали в момент совершения спорных платежей»

Иные примеры применения первой позиции можно найти в постановлениях АС Московского округа от 08.06.2021 по делу № А40-294714/2018, от 07.05.2021 по делу № А40-112889/2020, от 05.12.2019 по делу № А40-290528/2018 и др.

2. Второй подход сводится к тому, что доказывать наличие оснований для сбережения спорных денежных средств должен сам ответчик, то есть именно ответчик обязан приобщать к материалам дела договоры и иные документы, свидетельствующие о наличии оснований для получения денежных средств.

Наиболее полно суть второго подхода раскрыта АС Северо-Кавказского округа в постановлении от 30.06.2016 по делу № А32-32369/2015:

«В рассматриваемом случае, учитывая объективную невозможность доказывания отсутствия правоотношения (отсутствия встречного предоставления), истец первоначально должен доказать перечисление денежных средств и заявить об отсутствии поименованного в выписках по счетам договора и встречного предоставления. В свою очередь ответчик, если он утверждает, что получил денежные средства на определенном правовом основании, должен доказать наличие такого основания и встречного предоставления. Только после этого у истца появляется реальная возможность опровергать представленные ответчиком доказательства оснований получения денежных средств и соразмерности (эквивалентности) взаимных предоставлений»

Другие примеры применения второго подхода можно обнаружить в постановлениях АС Московского округа от 09.03.2021 по делу № А40-342865/2019, от 04.06.2019 по делу № А40-127979/2018, от 22.01.2019 по делу № А40-243038/2017 и др.

При этом в некоторых случаях суды прямо идут вразрез с позицией ВАС РФ, отмечая, что «указание в платёжном поручении реквизитов договора само по себе не подтверждает факт наличия договорных отношений и выполнения работ»⁵.

⁵ См., напр., постановления АС Московского округа от 10.06.2021 по делу № А40-146948/2020, от 27.09.2019 по делу № А40-10137/2019, от 26.11.2018 по делу № А40-249516/2017.

Проблема отсутствия единообразной практики по такой распространённой⁶ категории споров действительно удивляет. С одной стороны, мы имеем приведённую выше позицию ВАС РФ, а с другой – позицию ВС РФ, которая сводится к следующему:

«По делам о взыскании неосновательного обогащения на истца возлагается обязанность доказать факт приобретения или сбережения имущества ответчиком, а на ответчика – обязанность доказать наличие законных оснований для приобретения или сбережения такого имущества либо наличие обстоятельств, при которых неосновательное обогащение в силу закона не подлежит возврату»⁷

Но Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, в отличие от Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ⁸, отказывается рассматривать такие споры, внося свой вклад в поддержание противоречивой практики⁹.

Поскольку конституционный принцип равноправия может быть обеспечен лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями¹⁰, а единообразии судебной практики является неотъемлемой частью конституционной доктрины правовой определённости¹¹, Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ в конце концов придётся дать арбитражным судам ответ на вопрос о том, какой же именно из описанных выше подходов является верным. В связи с этим далее приводятся доводы в поддержку второго подхода, который представляется правильным автору настоящего исследования.

3. Анализ *de lege ferenda*

3.1. Обоснование правомерности второго подхода с помощью двух базовых аргументов: отрицательные факты и возможности доказывания

Главная идея, пронизывающая особое мнение Н.В. Павловой и второй подход в целом, может быть описана так: доказать отрицательный факт невозможно. Эта идея известна еще со времен римлян (*negative non probantur*), поддерживалась практикой Кассационного Сената¹² и нашла отражение в современной россий-

⁶ Открывая банк решений на сайте kad.arbitr.ru и выбирая категорию спора «21.2. Споры о неосновательном обогащении, вытекающем из внедоговорных обязательств», мы увидим, что за 2021 год по этой категории споров числится 14 750 решений арбитражных судов первой инстанции, 5866 апелляционных и 2697 кассационных постановлений. Безусловно, данные сведения вряд ли будут точными, но в целом они позволяют говорить о распространенности такой категории дел.

⁷ П. 7 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2019), утвержденного Президиумом ВС РФ 17.07.2019.

⁸ См., напр., определения СКГД ВС РФ от 02.02.2021 № 21-КГ20-9-К5 и от 30.03.2021 № 2-КГ21-2-К3.

⁹ См., напр., отказные определения по делам № А11-4773/2017 и № А63-16975/2017, в которых один и тот же судья СКЭС ВС РФ поддерживает два противоположных подхода.

¹⁰ См. постановления КС РФ от 16.04.2015 № 8-П, от 16.11.2018 № 43-П, от 23.01.2020 № 4-П.

¹¹ См. мнение судьи Н.С. Бондаря к определению КС РФ от 04.10.2012 №1768-О.

¹² Например, в решении № 1125 от 1871 года указано, что «в силу общего юридического правила возможно требовать доказательство о существовании лишь положительного факта, а не отрицательного». В решениях № 880 и № 897 от 1875 года также говорилось о том, что «нельзя требовать от тяжущегося доказательств отрицательных фактов». См.: URL: <https://zakon.ru/senat> (дата обращения: 22.12.2021).

ской практике¹³. Казалось бы, на этом вопрос мог бы быть закрыт. Но все не так просто.

К.Н. Анненков, ссылаясь на классификацию отрицательных фактов французского процессуалиста Э. Бонье, пишет, что «факты отрицательные не заключают сами в себе ничего такого, что бы служило непреодолимым препятствием к доказыванию их»¹⁴. Суть в том, что Э. Бонье поделил отрицательные факты на две группы¹⁵: отрицательные факты с определённым характером и отрицательные факты с неопределённым характером.

Учёные сходятся во мнении, что отрицательные факты с определённым характером не влекут перехода бремени доказывания, поскольку такие отрицательные факты нетрудно доказать через обратные им положительные факты. Классическим и часто встречающимся является пример алиби: если нужно доказать, что я не был в определённое время в месте А, то мне достаточно представить доказательства того, что я был в то время в месте Б. В спорах о неосновательном обогащении это может быть проиллюстрировано таким примером. Допустим, заказчик отказывается от договора подряда на том основании, что подрядчик не укладывался в промежуточные сроки сдачи строительных работ. Обращаясь с иском о возврате неотработанного аванса (абз. 2 п. 4 ст. 453 ГК), заказчик может (хотя и не обязан) устранить какие-либо сомнения суда в обоснованности требований, если, например, приобщит к материалам дела договор, который был заключён с иным подрядчиком для выполнения тех же строительных работ на том же объекте.

Однако отрицательные факты с неопределённым характером доказать сложнее или вообще невозможно. К такого рода отрицательным фактам как раз и относятся ссылки на отсутствие отношений между сторонами:

«Например, сторона утверждает, что у нее с оппонентом нет договорных отношений. Чтобы это обосновать, необходимо доказать целый спектр обстоятельств: отсутствие между сторонами договора купли-продажи, договора аренды, договора подряда и всех других договоров, то есть отсутствие бесчисленного спектра возможных договорных конструкций. Очевидно, что сделать это невозможно. В таком случае необходимо переложить бремя доказывания на другую сторону, утверждающую, что договорные отношения между сторонами наличествуют. Сделать это будет очень просто: предоставив какой-либо один договор»¹⁶

¹³ Цитата из предпоследнего абзаца п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2016), утвержденного Президиумом ВС РФ 13.04.2016: «С точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения на сторону процесса нельзя накладывать бремя доказывания отрицательных фактов». СКЭС ВС РФ в свою очередь уточняла, что заявление об отрицательном факте перекладывает на другую сторону обязанность по опровержению такого заявления. См.: определение СКЭС ВС РФ от 10.07.2017 № 305-ЭС17-4211.

¹⁴ Анненков К.Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 2. С. 366.

¹⁵ Помимо упомянутой выше работы, данная классификация разбиралась также Е.А. Нефедьевым. См.: Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М.: Тип. Моск. ун-та, 1909. С. 180.

¹⁶ Арзамасов Ю.Г., Назайкинская В.А. Теоретико-правовая характеристика отрицательных фактов и возможность их доказывания // Теория государства и права. 2020. № 2. С. 21

С такой логикой трудно не согласиться. Еще Б.В. Попов писал, что «та из сторон должна дать правосудию потребные доказательства, которой запастись ими легче теперь или было удобнее в прошлом»¹⁷. Е.М. Фетисова обоснованно отметила, что это «полностью соответствует формальной логике и экономическому анализу права»¹⁸. Кроме того, такая логика нашла поддержку и со стороны ВС РФ¹⁹.

Д.И. Смольников утверждает, что в Англии также закрепилось правило, согласно которому распределение бремени доказывания должно ставиться в зависимость от (не)определённости доказываемого факта и от того, кому легче представить те или иные доказательства²⁰.

Из сказанного выше напрашивается вывод, что сведения, содержащиеся в платёжных поручениях, никак не могут противопоставляться заявлению конкурсного управляющего об отсутствии на стороне ответчика оснований для получения денежных средств, поскольку такое заявление суть ссылка на отрицательный факт с неопределённым характером (подразумевающий злоупотребление со стороны бывших руководителей истца или же простую ошибку), доказать который фактически невозможно.

3.2. Критика первого подхода с помощью стандартов доказывания

Реализуя первый подход, суды в сущности прибегают к повышенным стандартам доказывания (требуя от конкурсных управляющих доказательств того, что бывший руководитель передал им всю документацию и т.п.), которые неприменимы к рядовому спору о неосновательном обогащении²¹.

Начальная посылка данного аргумента заключается в непосредственной связанности бремени доказывания со стандартами доказывания: «если первое определяет, кто обязан доказывать, то второе – насколько убедительными должны быть доказатель-

¹⁷ Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. Критико-догматическое исследование. Харьков. 1905. С. 16.

¹⁸ Фетисова Е.М. Как распределяется бремя доказывания в спорах о возврате неосновательного обогащения? // Московский юрист. М. 2013. № 2. С. 26.

¹⁹ См. определение СКЭС ВС РФ от 26.02.2016 № 309-ЭС15-13978, в котором содержится следующая правовая позиция: «Бремя доказывания тех или иных фактов должно возлагаться на ту сторону спора, которая имеет для этого объективные возможности и, исходя из особенностей рассматриваемых правоотношений, обязана представлять соответствующие доказательства в обоснование своих требований и возражений».

²⁰ Подробнее об этом см.: Смольников Д.И. Переход бремени доказывания в гражданском судопроизводстве: игра в пинг-понг или стрельба из лука? // Закон. 2019. № 1. С. 138–148.

²¹ «И действительно, нередко мы сталкиваемся с тем, что суды по имущественным гражданским спорам подспудно применяют стандарт доказывания, намного превосходящий уровень баланса вероятностей: от обремененной стороны требуется представить такие доказательства, после исследования которых у суда не останется никаких разумных сомнений (как если бы речь шла об уголовном деле и любые разумные сомнения мы должны были бы толковать в пользу подсудимого), а оппонент практически освобождается от необходимости вовлекаться в процесс доказывания. Доказывание превращается в дорогу с преимущественно односторонним движением: вся нагрузка ложится на сторону, несущую бремя доказывания, а оппоненту достаточно просто отрицать спорное обстоятельство, не утруждая себя представлением каких-либо контрдоказательств». См.: Карпелтов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 54.

ства, чтобы требование было удовлетворено»²². Далее можно говорить о том, что стандарты доказывания определяются исходя из двух критериев: первый – возможности доказывания²³, второй – цена судебной ошибки²⁴.

С точки зрения возможностей доказывания стороны спора о неосновательном обогащении в целом находятся в равном положении. При этом стоит учитывать, что, с одной стороны, конкурсный управляющий в большинстве случаев работает с ограниченной информацией, а также с последствиями разного рода злоупотреблений со стороны бывших руководителей. С другой стороны, еще в начале XX века было замечено, что «должник без всяких побуждений со стороны закона требует определённых удостоверений об исполнении от кредитора»²⁵. Таким образом, конкурсный управляющий не обладает по такого рода спорам перевесом в возможностях доказывания. Наоборот, в некоторых случаях он может находиться в ситуации неведения и быть более «слабой» стороной в плане возможностей доказывания.

С точки зрения цены судебной ошибки стороны спора о неосновательном обогащении также находятся примерно в одинаковом положении. При этом стоит учитывать, что конкурсный управляющий представляет не интересы своей компании, а интересы конкурсной массы (независимых кредиторов). Автор настоящего исследования таким образом не утверждает, что в этом случае интересы «нескольких лиц» важнее интересов единственного ответчика, а лишь указывает на то, что и в этом критерии нет никаких сильных перевесов ни в одну, ни в другую сторону.

Итак, применив оба критерия для выбора стандарта доказывания по отношению к спорам о неосновательном обогащении, мы видим, что в общем и целом стороны такого спора находятся в равном положении. В связи с этим нет никаких оснований накладывать на конкурсных управляющих истцов повышенные стандарты доказывания. Судам стоит придерживаться базового стандарта доказывания, примененного к рядовым гражданско-правовым спорам («баланс вероятностей»), в котором для подтверждения обоснованности своей позиции стороне спора «достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора»²⁶.

²² Дьяконова М.О. Гармонизация норм о распределении бремени доказывания на примере Типовых европейских правил гражданского процесса // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Например, стандарт *prima facie*, применяемый к кредиторам должника-банкрота, доказывающим необоснованность требований других кредиторов. См.: постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14, определение СКЭС ВС РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784.

²⁴ «В типичном гражданском судебном слушании нет основания для предположения, будто ошибка типа I (ложноположительные результаты, такие как осуждение невиновного человека) в среднем влечет большие издержки, чем ошибки типа II (ложноотрицательные результаты, такие как ложное оправдание). Так, чтобы оправдать вердикт в пользу истца, достаточно, если вероятность обоснованности его иска превосходит, пусть и незначительно, вероятность того, что он не обоснован. Но поскольку для невиновного ответчика издержки уголовного наказания могут значительно превосходить общественную пользу от еще одного осуждения виновного человека как средства сдерживания или предупреждения совершения человеком преступлений в определенный период времени, а именно в тот период, когда он в соответствии с приговором находится в заключении, ошибка типа I серьезнее ошибок типа II в уголовных делах, а потому первые получают больший вес за счет того, что сторона обвинения несет более тяжелое бремя убеждения». См.: Познер Р. Рубежи теории права / пер. с англ. И.В. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 394.

²⁵ Полов Б.В. Указ. соч. С. 25.

²⁶ Определение СКЭС ВС РФ от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784.

3.3. Иные аргументы с критикой первого подхода

Во-первых, при реализации первого подхода суды, говоря словами А.Х. Гольмстена, «входят в роль отсутствующего ответчика». Например, в определении о передаче дела № А51-15943/2011 на рассмотрение в Президиум ВАС РФ коллегия судей прямо указала, что ответчик в судебные заседания не являлся и свои возражения не представлял (такая ситуация нередка для данной категории споров). То есть суды освобождают ответчиков от неблагоприятных последствий пассивного поведения и не применяют положения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, фактически исполняя обязанности ответчиков по опровержению доводов истцов, нарушая тем самым фундаментальные принципы состязательности и равноправия сторон²⁷, тогда как нежелание ответчиков опровергать доводы истцов должно быть истолковано против них²⁸.

Во-вторых, если мы исходим из того, что обязательство вернуть неосновательное обогащение является «родовым понятием по отношению ко всем обязательствам возратить имущество»²⁹, то возникает вопрос: есть ли у судов основания для отступления в споре о неосновательном обогащении от правила, давно закрепившегося в договорных спорах, согласно которому «истец доказывает возникновение у него правомочия, а ответчик в своем возражении – прекращение его исполнением»³⁰?

В-третьих, если «суд принимает в соображение заявления и утверждения сторон лишь в той мере, в какой установлена их истинность»³¹, возникает ещё один вопрос: есть ли у судов основания делать вывод о наличии договорных отношений, когда сам договор отсутствует в материалах дела (особенно в ситуации, когда одна из сторон отрицает существование договора)?

4. Заключение

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что у первого подхода (согласно которому бремя доказывания отсутствия оснований для сбережения ответчиком спорных денежных средств должно возлагаться на истца) имеются значительные недостатки: это несоответствие и теории отрицательных фактов, и складывающейся в российской науке и практике теории стандартов доказывания, и общим принципам цивилистического процесса.

²⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 15.10.2013 № 8127/13.

²⁸ Определение СКЭС ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3).

²⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 599 (автор комментария – А.Л. Маковский). Аналогичное можно найти у Д.В. Новака: «Сфера применения собственно кондикционного иска как общей защитной меры, в основании которой лежат нормы гл. 60 ГК РФ, исчерпывается случаями, когда неосновательное обогащение имеет самостоятельное юридическое значение, т.е. отсутствуют основания для применения охранительных мер, носящих специальный характер. В ситуациях, когда факт получения имущественной выгоды за чужой счет без правового основания имеет второстепенное юридическое значение, кондикционный иск отступает перед исками специального характера, и речь идет лишь о субсидиарном применении некоторых норм гл. 60 ГК РФ». См.: *Новак Д.В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 282.

³⁰ *Полов Б.В.* Указ соч. С. 23.

³¹ *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1917. С. 215.

В свою очередь, второй подход (согласно которому истец доказывает перечисление денежных средств и ссылается на отсутствие правоотношений и встречного представления, а ответчик, наоборот, доказывает как наличие отношений, так и наличие встречного представления) учитывает приведённые выше фундаментальные аргументы, полностью соблюдает баланс прав сторон спора, не лишая никого адекватного способа защиты и не накладывая ни на кого чрезмерного бремени доказывания.

Приведения судебной практики к единообразному подходу по столь распространённой категории споров требуют не только принципы равенства и правовой определённости, но и сугубо прагматические цели, такие как снижение нагрузки на проверяющие инстанции путём их освобождения от большого количества несложных и однотипных споров.

В заключение стоит отметить, что цепочка аргументов, содержащаяся в настоящей статье, имеет достаточно универсальный характер и может помочь в борьбе с иными аномалиями в отечественной судебной практике.

